

**ВОЗБУЖДЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА:
НОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, СТАРЫЕ И НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ**

© 2015

Л.А. Буторин, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры публичного права
Российский университет кооперации, Мытищи (Россия)

Ключевые слова: уголовно-процессуальное право; права личности; первоначальная стадия уголовного процесса; изменения в Уголовно-процессуальном кодексе; новые и старые проблемы стадии возбуждения уголовного дела; доследственная проверка; судебная практика.

Аннотация: В статье показано, что после внесения изменений в Уголовно-процессуальный кодекс в стадии возбуждения уголовного дела остаются старые и возникают новые проблемы, в том числе связанные с защитой прав личности, сбором и оценкой доказательств, изменением полномочий должностных лиц и прав других участников этой стадии; нуждаются в совершенствовании доследственная проверка и судебная практика.

Первоначальная стадия уголовного судопроизводства в связи с упорством новаторов и воплощением их чаяний переживает по существу глубокий в более чем полувековом существовании кризис: «Камо грядеши?». Обострение ситуации обусловлено в том числе изменениями законодательства последних трех-четырёх лет. И практика, и мнения исследователей проблем досудебного уголовного процесса, так или иначе затрагивающие стадию возбуждения уголовного дела, вновь вылились в бурные дискуссии с радикальными подходами к ценности норм этого института и необходимости самого его существования.

Самыми броскими, на наш взгляд, следует признать две позиции. Первая сводится к тому, чтобы максимально расширять и использовать в этой стадии набор следственных действий и других возможных проверочных мероприятий, которые затем становятся доказательствами по уголовному делу. Разновидностью этой позиции, по сути, является призыв к отказу от самостоятельной стадии возбуждения уголовного дела [1].

Аналогичные мнения высказывались и после 1960 года, то есть с момента введения УПК РСФСР, но в тех условиях они не носили массового характера и стабильности законодательного регламентирования серьезно не угрожали. Например, предложение о производстве судебно-медицинской экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела высказывали Г. Мудьюгин и М. Похис [2]. Возражения могли исходить от авторитетного мнения Института государства и права АН СССР [3].

Вторая позиция консолидирует исследователей, выступающих за разумное изменение законодательства и бережное отношение к тем охранительным ценностям судопроизводства, которые на этапе отсутствия возбужденного уголовного дела не позволяют массивно ограничивать права вводимых в эту стадию гражданских лиц.

В современных условиях авторам первой из вышеназванных точек зрения несколько проще аргументировать мнение, опираясь на законодательство, используя позицию Конституционного Суда Российской Федерации и судебную практику.

Можно отметить, что даже мягкие аргументы о расширении круга лиц в стадии возбуждения уголовного дела в своей перспективе могут оправдывать именно первую точку зрения. Например, не вызывающее принципиальных возражений мнение о том, что для стадии возбуждения уголовного дела предусмотрены специальные субъекты уголовно-процессуальной деятельности, если вести речь о налоговых преступлениях или о преступлениях в сфере экономической деятельности, принадлежит Т.М. Аширбековой [4].

Наряду с этим имеют место и более радикальные предложения – предупреждать опрашиваемых лиц перед получением от них информации об уголовной ответственности за заведомо ложные показания (ст. 307 УК РФ) и отказ от дачи показаний (ст. 308 УК РФ), в частности, об этом пишет Ю.А. Ляхов [5]. «Возможность

проведения следователем допроса на стадии доследственной проверки позволит значительно сократить сроки проведения таких проверок и в целом расследования уголовного дела, а значит, будет способствовать скорейшему восстановлению нарушенных прав и укреплению законности на всех стадиях уголовного процесса», полагает А.М. Багмет, оправдывая эту меру оптимизацией процессуальной деятельности [6].

Как представляется, основным условием, на почве которого это стало возможным, явилось принятие Уголовно-процессуального кодекса с недостаточной четкостью выработанной позицией законодателя в отношении статей из глав 19 и 20 УПК РФ и некоторых других, касающихся вопросов доследственной проверки по материалам, имеющим перспективу на принятие процессуального решения о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела. Меняющиеся формулировки закона, доходящие порой до абсолютного изменения подходов к полномочиям должностных лиц, участвующих в этой стадии, привели к тому, что ее законодательное совершенствование действительно стало его полной противоположностью, узким местом для практики и теории, что обусловило рост предложений дальнейшего «совершенствования».

Наиболее серьезные возражения вызвало дознание в сокращенной форме, а именно ряд положений главы 32 УПК РФ, введенной Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ. Для этой формы дознания сбор процессуально значимой для выдвижения обвинения доказательственной информации, по существу, полностью перенесен в стадию возбуждения уголовного дела.

С критикой в отношении недостаточно аргументированных позиций исследователей о расширении полномочий должностных лиц в этой стадии, и особенно в части расширения объема доказательств, выступили многие исследователи-процессуалисты [7–10]. На наш взгляд, именно эти мнения, высказанные сторонниками взвешенного подхода к оценке положений закона, перспектив его реализации и, соответственно, предложений по совершенствованию, заслуживают поддержки [11].

В их числе особо отметим высказывания профессора С.А. Шейфера, который справедливо отмечает, что положения, внесенные в Уголовно-процессуальный кодекс Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ, возрождают так называемое «протокольное производство, от которого законодатель впоследствии отказался ввиду его недемократичности и нарушения гарантий прав и интересов обвиняемого и других участников процесса». Они «неоправданно деформируют постулаты теории доказательств, что приводит к подмене доказывания административными, по сути, приемами познания, смещая его центр на стадию возбуждения уголовного дела» [12].

Можно согласиться с частью предложений исследователей, касающихся, например, производства проверочных мероприятий по налоговым правонарушениям или того, чтобы закон предусмотрел передачу материалов по территориальности, поскольку в настоящее время

нет четкого прохождения таких материалов, затягиваются сроки на принятие решений, создаются условия для укрытия правоохранительными органами преступлений от учета и страдают права заявителей [4; 13].

Высказывания о реальном упразднении стадии возбуждения уголовного дела, несмотря на то что их поддержка, в частности, обусловлена регулярными изменениями порядка проведения последственной проверки и другими новшествами уголовно-процессуального закона для этой стадии, полагаем несостоятельными и даже опасными.

Автор неоднократно в своих публикациях обращал внимание на то, что стадия возбуждения уголовного дела является специфической частью досудебного процесса. Ее субъекты – это, как правило, должностные лица, уполномоченные законом на проведение проверочных мероприятий, начиная с приема-получения информации о преступлениях. Их права здесь подчинены задаче проверки подлинности повода и установления тех признаков преступления, которых будет достаточно для возбуждения уголовного дела, с одновременным убеждением в отсутствии законных оснований, препятствующих принятию этого решения. Другие участники стадии: заявители, опрашиваемые лица или лица, у которых запрашивается необходимая информация, – если и имеют какие-то препятствия в осуществлении своих прав или защите законных интересов в условиях этой стадии, то в весьма ограниченном варианте принуждения (при очевидности преступления принятие решения о возбуждении дела должно предшествовать такому принуждению или совпадать с ним) [14; 15].

Отдельно полагаем возможным заострить внимание на одном аспекте – роли судебных инстанций в оценке материалов, получаемых в этой стадии, в частности на явке с повинной или иных документах, полученных в конкретных ситуациях при проведении проверочных действий.

Возможно, что лица, в отношении которых вынесен обвинительный приговор, нуждаются в сочувствии, но пример, опубликованный на страницах Бюллетеня Верховного Суда Российской Федерации, обращает на себя внимание по другой причине. Суть в том, что в качестве доказательства, положенного в основу обвинения по эпизоду хранения наркотического вещества, приведен протокол осмотра места происшествия – жилища. Согласно документу, «осмотр производился с согласия проживавшего в нем Л. (в дальнейшем осужденного), о чем свидетельствует соответствующее заявление от 6 мая 2008 г., а также в присутствии его самого и понятых». В Постановлении Верховного Суда Российской Федерации вывод о законности использования протокола осмотра в качестве источника доказательства обосновывается ссылкой на положение закона – ч. 5 ст. 177 УПК РФ, а также на п. 4 ч. 2 ст. 29, ч. 5 ст. 165, ст. 176, ст. 177 УПК РФ, согласно которым нет необходимости получения судебного решения на производство осмотра места происшествия в жилище при наличии согласия на его осмотр, полученного от лиц, проживающих в этом помещении [16].

Можно было бы констатировать: принято правильное решение. Однако настаивает, что обстоятельство обнаружения при этом осмотре пластикового пакета с белым порошком реально ничем не отличаются от следственного действия – обыска жилого помещения. Можно предположить, что у оперативных работников (они проводили «осмотр») не было достаточного времени для обращения в суд, да и дело, естественно, еще не было возбуждено.

А значит, руководствуясь этим прецедентом, заинтересованные в положительном решении правоохранители под любым предлогом и с помощью не самых корректных средств могут получить желаемое – осмотр места происшествия в жилой квартире или другом помещении.

А особо рьяные сумеют добыть и необходимые улики. Именно в этих слабых сторонах закона и следственно-судебной практики может благодатно произрастать осужденная и якобы искорененная в нашей стране система обвинительного уклона в отношении известной категории участников уголовного судопроизводства.

На наш взгляд, размытые границы законодательного положения о следственном осмотре жилого помещения дают возможность для уклонения от установленной процедуры проведения более ответственного для правоохранительного органа следственного действия – обыска и обеспечивают формальный подход к этому вопросу со стороны контролирующего органа – суда. В результате как бы на законном основании намечен путь реализации обвинительного уклона со стороны правоприменителей.

Некоторые моменты судебной практики свидетельствуют и о других не очень четко понимаемых судами назначениях первоначальной стадии уголовного процесса. Анализируя допустимость доказательств, Д.П. Великий справедливо обращает внимание на то, что в оценке явки с повинной у судов нет четкого представления, каким видом доказательств является соответствующий протокол: обвинительным или оправдательным [17, с. 97–98]. Его можно отнести к иным документам (п. 3 ч. 1 ст. 81 УПК РФ), так как он получен неследственным путем. В приведенном примере суд так и поступает, рассматривая явку с повинной в качестве допустимого доказательства для избличения виновного. Но с этой ли целью предусмотрен данный повод в ст. 140 УПК РФ? Соглашаясь с автором статьи, заметим, что было бы все-таки точнее остановиться на основной роли протокола о явке с повинной как документа, являющегося поводом к возбуждению уголовного дела. Если дознание и следствие сочтет достаточным выдвигание обвинения против лица, явившегося с повинной, и не будет проверять необходимые версии совершения противоправного деяния, то ошибка может пройти и через суд. А о том, что явки с повинной лишь тактическая уловка оперативных работников для раскрытия дела, возбужденного по другому поводу и т. п., в свое время говорилось достаточно. Не будет лишним иметь в виду и то, что иногда лицо, явившееся с повинной, руководствуется своими мотивированными соображениями, ведущими к сокрытию реального виновника противоправного деяния.

Аналогичная картина подмечена Д.П. Великим в части использования судом в качестве доказательств объяснений, полученных в стадии возбуждения уголовного дела [17, с. 97]. Приоритеты состязательного процесса, в том числе в части подбора доказательственной базы из стадии возбуждения уголовного дела, и здесь показывают свою слабость и односторонность. Вновь имеет место проявление обвинительного уклона, который суду должен быть противопоставлен изначально.

И все-таки законодателю принадлежит ведущая роль в совершенствовании законодательной базы и создании основ для положительных в плане защиты законных интересов и прав граждан во всей досудебной и судебной процессуальной деятельности по уголовным делам. Но реальные новеллы из УПК РФ (как уже говорилось выше) не могут подтвердить этого положительного вывода, в частности, потому что в тех же поводах к возбуждению уголовного дела не первый год идет некоторое метание: что должно быть поводом, а что основанием к возбуждению уголовного дела. З.И. Брижак и В.Г. Стаценко еще при анализе проекта о введении нового повода высказали принципиальные возражения, касающиеся существа и формы положения, предусмотренного ныне как ч. 1 ст. 140 УПК РФ. Приходится с сожалением констатировать, что они дали правильную достаточно полную характеристику этой новеллы. Сотрудники органов внутренних дел, других силовых структур теперь могут не волноваться в ожидании материалов о фальсификации документов учета и отчетности финансовой организации: их

подготовка – исключительная прерогатива Центрального банка Российской Федерации либо конкурсных управляющих (ликвидаторов) финансовой организации [18]. Если выше говорилось об обвинительном уклоне на первоначальной стадии, то данный образец работы законодателя несколько отличен: создание сферы деятельности неприкасаемых для правоохранительных органов организаций. Конечно, практика (опыт) подтвердит правильность или ошибочность подходов законодателя к этой новелле. Определенность же в различии повода и основания к возбуждению уголовного дела отходит на второй план или оставлена для учебных курсов по уголовному процессу.

Действительно, в современных условиях, благодаря активности законодателя, нормы, посвященные вопросам проверки сообщений о преступлениях, динамично меняют регулирование отношений в этой стадии, а вместе с ними и значимость полученных в ней материалов. Однако, несмотря на это, есть общие принципы уголовного судопроизводства, следуя которым, на наш взгляд, и в аналитических материалах, и в практике надлежит исходить из того, что полный объем следственных полномочий у должностных лиц и, соответственно, прав и обязанностей у иных участников процесса должен иметь место только после возбуждения уголовного дела. Какие-либо попытки оправдать оптимизацией или ускорением процедур иное, не подтверждаемое следственным путем сохранение доказательственной базы на следующих стадиях дела делает крайне шаткой границу, отделяющую от волюнтаризма, недопустимого в уголовном процессе, от игнорирования прав и свобод человека и гражданина, от изначально формирующегося предвзятого отношения к имевшему место событию и роли его участников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кругликов А.П. Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России // Российская юстиция. 2011. № 6. С. 56–59.
2. Мудьюгин Г., Похис М. Судебно-медицинскую экспертизу – в стадию возбуждения уголовного дела // Социалистическая законность. 1971. № 9. С. 56–59.
3. Савицкий В.М. Надо ли реформировать стадию возбуждения уголовного дела? // Советское государство и право. 1974. № 8. С. 83–88.
4. Аширбекова М.Т. Новый порядок возбуждения уголовного дела по налоговым преступлениям // Законность. 2015. № 1 (963). С. 25–28.
5. Ляхов Ю.А. Единство процесса доказывания в досудебном уголовном судопроизводстве России // Государство и право. 2014. № 11. С. 112.
6. Багмет А.М. О мерах по оптимизации следственных подразделений // Российская юстиция. 2015. № 1.

С. 48–50.

7. Апостолова Н.Н. Реформирование уголовного судопроизводства России необходимо проводить системно и последовательно // Российская юстиция. 2015. № 1. С. 42–45.

8. Белкин А.Р. Общие условия предварительного расследования: проблемы законодательной регламентации // Уголовное судопроизводство. 2015. № 1. С. 8–13.

9. Вершинина С.И. О направлениях реформирования досудебного уголовного процесса // Российская юстиция. 2014. № 2. С. 53–55.

10. Дикарев И.С. Дознание в сокращенной форме: замысел законодателя и практический результат // Дознание в сокращенной форме: вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения: сборник статей. Волгоград: ВолГУ, 2013. С. 22–34.

11. Зайцева Е.А. Уголовно-процессуальный статус участников проверки сообщения о преступлении и их правовая активность // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 2 (17). С. 50–53.

12. Шейфер С.А. Трансформация стадии возбуждения уголовного дела в связи с принятием ФЗ-23 от 4 марта 2013 года // Вектор науки Тольяттинского университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 2 (17). С. 160–165.

13. Исмаилов Ч.М. Правовое регулирование вопросов приема, проверки и разрешения сообщений о преступлениях, в том числе связанных с безвестным исчезновением граждан: проблемы и пути совершенствования // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2014. № 5 (43). С. 82–88.

14. Буторин Л.А. Процессуальные гарантии прав личности и принуждение в стадии возбуждения уголовного дела // Уголовно-процессуальное принуждение и ответственность, их место в решении задач предварительного расследования: сборник научных трудов. Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1987. С. 90–95.

15. Буторин Л.А. О соблюдении принципа демократизации при реализации процессуальных решений в стадии возбуждения уголовного дела // Проблемы демократизации предварительного следствия: сборник научных трудов. Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1989. С. 97–101.

16. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации № 171-П14 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 10. С. 22.

17. Великий Д.П. Практика применения норм о допустимости доказательств в уголовном процессе // Журнал российского права. 2014. № 6 (210). С. 95–100.

18. Брижак З.И., Стаценко В.Г. Некоторые проблемы действия принципа публичности в уголовном процессе // Российский следователь. 2014. № 24. С. 18–21.

EXCITATION OF CRIMINAL CASE: NEW LEGISLATION, OLD AND NEW PROBLEMS

© 2015

L.A. Butorin, candidate of legal sciences, Associate Professor, assistant professor of Chair of common law
Russian University of Cooperation, Mytishchi (Russia)

Keywords: criminal-procedural law; rights of the individual; stage of excitation of criminal case; changes in the Code of Criminal Procedure; old and new problems in the stage of excitation of criminal case; preliminary examination; judicial practice.

Abstract: The article shows that the criminal-procedural legislation is being improved, but old and new problems are in the stage of excitation of criminal case, problems of ensuring the rights of the individual, collection and assessment of evidence, transformation of office of the officers and rights of other participants in this stage, preliminary examination and judicial practice are in need of improvement.